

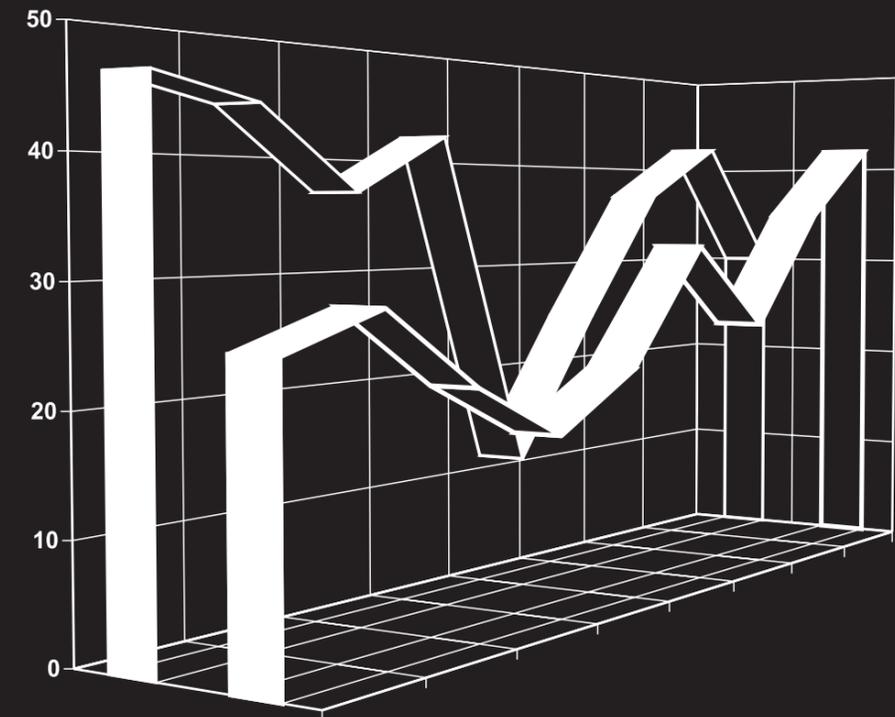
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

№ 3-4 2013

3-4 (116)

ИЮЛЬ — ДЕКАБРЬ 2013

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(116)

Выходит 4 раз в год. Год издания 21-й

Июль–декабрь 2013

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Т.Е. Ворожейкина
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
АКТУАЛЬНОЕ	
Владимир ПАНИОТТО. Украина. Евромайдан	17
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
Лариса КОСОВА. Социальная мобильность или нестабильность доходов?	24
Наталья БОНДАРЕНКО. Характер текущего и ожидаемого дефицита профессиональных навыков и качеств работников на российском рынке труда.	34
Петр БИЗЮКОВ. Трудовые отношения россиян и мигрантов: существуют ли различия?	47
Владимир МУКОМЕЛЬ. Ксенофобия как основа солидарности	63
Светлана КОРОЛЕВА, Алексей ЛЕВИНСОН, Анастасия ЦАТУРЯН. Государственные дети. О местах содержания детей без родителей	70
Наталья БОНДАРЕНКО, Лев ГУДКОВ, Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Социальная природа коррупции	91
СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК	
Клаус ГЕСТВА. Хомо Советикус и крах советской империи. Неприятные социальные диагнозы Юрия Левады	111
Лев ГУДКОВ. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе	118
ПАМЯТИ Т.И.ЗАСЛАВСКОЙ	
Ирина ТРОЦУК. Миграционные процессы в советском обществе 1960-х – 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской	180
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	
Андрей ЦАТУРЯН. История с Академией	191
Авторы номера	198
SUMMARY	199
Список статей, опубликованных в журнале в 2013 г.	203

Ответственный редактор
выпуска Л.Д. Гудков

Редактор, корректор
Д.В. Соколова

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(116)

Quarterly

July–December 2013

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Tatyana Vorozheikina
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
CURRENT EVENTS	
Ukraine. Euromaidan (by Vladimir Paniotto)	17
PROBLEMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY	
Social mobility or unstable incomes? (by Larissa Kosova)	24
The nature of existing and expected deficit of professional skills at the Russian labour market (by Natalia Bondarenko)	34
Labour relations among Russians and the migrants: are there any differences? (by Pyotr Bizyukov)	47
Xenophobia as the basis of solidarity (by Vladimir Mukomel)	63
Children in the government custody. Institution for orphans (by Svetlana Koroleva, Alexey Levinson, Asya Tsaturyan)	70
Social nature of corruption (by Natalia Bondarenko, Lev Gudkov, Marina Krasilnikova)	91
HOMO SOVIETICUS	
Homo Sovieticus and collapse of Soviet Imperium: Levada's inconvenient diagnosis (by Klaus Gestwa)	111
An individual in non-moral environment: on the sociology of morality in post-totalitarian society (by Lev Gudkov)	118
IN TRIBUTE TO TATYANA ZASLAVSKAYA	
Migration in Soviet society in 1960s – 1980s: T. Zaslavskaya's observations and projections (by Irina Trotsuk).	180
FIRST PERSON	
The situation around Russian Academy of Sciences and its reform: interview with Andrey Tsaturyan	191
Authors of the issue	198
SUMMARY	199
List of publications, 2013	203

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: к 20-летию выхода книги «Советский простой человек»

Клаус ГЕСТВА

Номо Sovieticus и крах советской империи: неприятные социальные диагнозы Левады¹

Юрий Левада, Советский простой человек. Опыт социально-го портрета на рубеже 90-х годов. Москва, Мировой океан, 1993. Нем. издание: Die Sowjetmenschen 1989–1991. Soziogramm eines Zerfalls. Aus dem Russischen übersetzt von Ulrike Amtmann, Elke Brain, Luzie Cames-Komov, Sabine Konrad und Barbara Schweizerfolg, Berlin: Argon 1992, Tb.-Ausg.: München: Deutscher Taschenbuch Verlag 1993. Цитаты приводятся по последнему изданию.

Миф о «новом человеке» – изобретение во все не советское, это часть европейской истории идей, начинающаяся с XVIII в. Этот миф принимал различные формы и облики, способствуя достижению целей многочисленных политических идеологий и их общественной поддержки. Но ни в одной другой стране миф о «новом человеке» не имел настолько сильного влияния на характер социальной идентичности и политическое воздействие, как в Советском Союзе. Концепция «Номо Sovieticus», закрепившаяся в 1930-е годы, была главной в триумфальной самодемонстрации первого социалистического государства. Она впечатляющим образом свидетельствовала об исторической миссии освобождения и завоевания мира, подтверждая тем самым коллективную веру в это самое освобождение. Она вмещала и классический марксистский образ боевого, победоносного пролетариата, и унаследованное от прошлого визионерское представление об особом историческом предназначении русско-

го народа. «Советский народ», формирующийся из «нового советского человека», должен был положить конец любой эксплуатации человека человеком и угнетению и благодаря обретенной свободе реализовать высший революционный идеал равенства и братства.

Однако сколько бы ни возвеличивала пропагандистская машина Москвы титанические фантазии «советского человека» о триумфе «строителей коммунизма», для многих в СССР не было тайной, что происходит постоянный общественный самообман. Немецкий публицист и знаток России Клаус Менерт в своем интернациональном бестселлере, впервые изданном в 1958 г., «Советский человек. Попытка портрета после двенадцати поездок в Советский Союз в 1929–1957 годы» пришел к выводу, что «русские» не так легко поддавались советизации, несмотря на все партийно-государственные просветительские и мобилизационные кампании. Большинство советских граждан, как он их видел, были во многом аполитичные люди, их больше заботили средства к существованию, а не коммунизм. Менерт писал, что обещанном и провозглашавшемся «классовом равенстве» не было и речи. В то время как номенклатура – новый высший слой московского партийного государства – была на особом

¹ Klaus Gestwa, Der Homo Sovieticus und der Zerfall des Sowjetimperiums. Jurij Levadas unliebsame Sozialdiagnosen // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History, Online-Ausgabe, 2013, 10, H. 2, URL: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Gestwa-2-2013>. Публикуется с любезного разрешения автора и редакции журнала «Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History»

обеспечении, и уровень ее жизни был намного выше среднего, миллионы рабочих и колхозников, во имя которых собственно и строился социализм, по-прежнему мирились с множеством лишений. Возвышающая советская общественная утопия, пишет Менерт, лопнула при столкновении с социальными реалиями¹.

Схожую картину вопиющих противоречий социализма обрисовали в 1980-е гг. советские диссиденты Михаил Восленский и Александр Зиновьев, работы которых также вызвали международный интерес. Восленский показал, насколько хорошо руководящие кадры партии-государства в качестве привилегированного класса вписались в ригидную, хронически дефицитарную советскую структуру. Классовое общество реального социализма покоится, по его мнению, на смешении купленного и принудительного одобрения². Партия держится у власти не из-за социализма, а только лишь благодаря предоставленным привилегиям и разлитому в обществе усилиями тайной полиции страху. Вот почему Зиновьев в своем автобиографическом романе-коллаже явно использовал понятие «Homo Sovieticus» как знак негативной идентичности. Вместо желанного «сверхчеловека» партия-государство Москвы создало народ оппортунистов, не чужающихся никаких средств для удовлетворения своих материальных притязаний, и, насколько это возможно, уклоняющихся от всего, что диктовал социализм³.

В самом Советском союзе «Homo Sovieticus», фигура, возвеличившаяся как спаситель, мутировала в конце 1980-х гг. в ходе стремительного распространения фрустрации в уничижительное понятие *совка*, двусмысленное по своему словоупотреблению, но ставшее весьма популярным. Двусмысленность этого понятия в буквальном его смысле смешивала идентичность советских граждан с мусором, грязью. В поиске причин и последствий такого стремительного обесценивания привычных коллективных образов самих себя историки едва ли могут оставить без внимания захваты-

вающую социограмму «советского человека» в последней стадии существования советской империи, прописанную группой московских социологов под руководством Юрия Левады.

Эмпирической основой этого уникального по своей форме исторического источника послужил обширный репрезентативный опрос общественного мнения, проведенный между 1989 и 1991 гг. по формализованному опроснику «Всесоюзным центром изучения общественного мнения» (ВЦИОМ)⁴. Анкета состояла из более ста вопросов, охватывающих повседневные установки по отношению к работе и семье, религии и традиции, любви и насилию, а также политические взгляды, мнения и ожидания. Всего было опрошено 2 700 человек из разных регионов страны.

В конце 1980-х гг. вместе с основанием ВЦИОМа и бурным развитием научного изучения общественного мнения начался поздний расцвет советской социологии, которая в качестве науки общественного самоанализа во времена сталинизма десятилетиями пребывала в изгнании⁵. Сталин, вместе с утверждением своей единовластной диктатуры, насадил в 1931 г. новую «марксистско-ленинскую общественную науку». Он вместе с преданными ему партийными лидерами был твердо убежден, что политическая инструментализация диалектического и исторического материализма позволяет вывести социальные закономерности. Таким образом, после провозглашения строительства социализма критический социологический анализ общественных процессов трансформации оказался излишним. Отныне социология считалась буржуазной псевдонаукой, которой нет места в советском научном и учебном процессе.

Первые речь о некотором восстановлении эмпирической социологии зашла только спустя три десятилетия, с началом десталинизации и оттепели. Партийному руководству при Хрущеве пришлось осознать, что изменения, которые вызывает функционирование индустриального общества, не могут быть адекватно ни диагностированы, ни прогнозированы с помощью прежнего, сильно идеологизированного

¹ Cp.. Schmid, U. Wie bolschewistisch ist der „Sowjetmensch“? Klaus Mehnert erkundet die russische Mentalität //Zeithistorische Forschungen, 2007, № 4, S. 466-471.

² Voslenskij M. Nomenklatura. Die herrschende Klasse der Sowjetunion, Wien 1980. Михаил Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., Захаров, 2005. Сходная работа югославского диссидента Милована Джиласа появилась еще раньше: Đilas M. Die neue Klasse. Eine Analyse des kommunistischen Systems, München, 1958. Джилас, М. Новый класс. Нью-Йорк, Издательство Ф. А. Прегер, 1961.

³ Sipiowjew A. Homo Sovieticus, Zürich 1984. Александр Зиновьев, Homo советикус. М., 1991.

⁴ В статье для настоящего тематического номера Клаус Бахман пишет, что в Польше уже с конца 1950-х гг. проводились масштабные опросы общественного мнения. Советские социологи постоянно искали тесных контактов со своими польскими коллегами, чтобы обучиться у них новым методам.

⁵ Ahlberg R. Sowjetgesellschaft im Epochenwandel. Studien zur Selbstaufklärung der sowjetischen Gesellschaft in der Zeit der Perestrojka, 1985–1990, Frankfurt a.M. 1992; Weinberg, E. Sociology in the Soviet Union and Beyond. Social Inquiry and Social Change, London, 2004.

концепта [марксистской] науки. Мобильность населения, едва уже контролируемая в политическом плане, а также появление новых потребительских и досуговых запросов ставили все новые и новые проблемы управления. Руководство страны испытывало колоссальную потребность в информации, особое внимание теперь вызывали вопросы практической применимости социологических исследований и их политической пользы.

Начавшаяся в конце 1950-х гг. осторожная реабилитация социальных наук хорошо прослеживается на примере карьеры Юрия Левады¹. Родился Левада в 1930 г., в 1966 г. защитил докторскую диссертацию по социологическим проблемам религии. В качестве университетского преподавателя и исследователя он много сделал для признания социологии научной дисциплиной и учебным предметом. В крупнейшем на то время социологическом исследовательском центре — Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ АН СССР), основанном в 1968 г., он возглавлял Сектор теории и методологии. Там он собрал вокруг себя ангажированных молодых ученых.

Но уже в 1969 г. этот академический напор на прорыв начал терять динамику. Через год после подавления Пражской весны в советской научной и университетской системе была развернута кампания осуждения и проработки, якобы вызванная жесткими высказываниями Левады. Ведущий в стране теоретик социологии в дальнейшем был лишен права преподавания, утратил свой статус; он был понижен в должности до уровня рядового академического сотрудника одного из научных экономических институтов. Многие годы его последующие научные труды были доступны только узкому кругу читателей, и подобающим образом они были опубликованы только в 1993 г.²

С начала 1970-х гг. Левада оказался в науке на положении маргинала, но он и дальше поддерживал тесный контакт со своими прежними соратниками. Академические сети оставались сохраненными за кулисами официальной науки и преподавания. «Левадинские семинары» представляли собой неформальную трибуну для аналитического общественного самопознания и препятствовали стагнации в социологии.

В 1988 г. Левада отмечает свое знаменитое

возвращение в науку. За год до этого Татьяна Ивановна Заславская, Президент Советского социологического общества, в своей речи, привлекая всеобщее внимание, потребовала, наконец, сделать социальные исследования, недофинансированные и плохо обеспеченные, инструментом научной информации для реформаторской политики Михаила Горбачева. Заславская, как социальный эксперт занимавшая критическую позицию, принадлежала к идейным первопроходцам перестройки. Вместе с возвышением Горбачева она обретала все больший авторитет у высшего советского руководства, и в конечном итоге ей удалось настоять на программе мер по поддержке социальных наук. Она возглавила созданный в 1988 г. ВЦИОМ. Левада занял пост руководителя отдела теории. Как директор центра Заславская заботилась о том, чтобы команда Левады могла заниматься исследованиями и публиковаться без оглядки на партийно-правительственные предписания. Эта долгожданная интеллектуальная свобода и новые ресурсы позволили сотрудникам ВЦИОМ достичь колоссальной научной продуктивности.

Помимо документирования всего спектра мнений масштабно задуманные эмпирические исследования были нацелены на социальную диагностику для того, чтобы прояснить, насколько велика была готовность советского общества к демократическим переменам, учитывая, что предшествующие 70 лет оно подвергло «принудительной социализации три поколения в условиях почти полной информационной блокады» и «строгого контроля за каналами вертикальной мобильности» (S. 8). Левада и его исследовательская команда понимали перестройку и гласность как общественный эксперимент исторического масштаба. Они стремились принять в нем участие как комментирующие наблюдатели, чтобы своими — часто неутешительными — данными и прогнозами обратить внимание власти на определенные проблемы избранного курса на реформы.

Когда в августе 1991 г. дело дошло до государственного переворота, подавление которого ускорило распад советской империи, работы над социограммой «советского простого человека» были уже закончены и предоставлены в виде рукописи книги. Под руководством Левады авторский коллектив из восьми человек свел плоды трехлетней работы по изучению общественного мнения в основательный научный труд. С одной стороны, эта книга оказалась в центре внимания публичных дискуссий

¹ Cp. *Mrowczyński R.* Zum Tod von Juri Alexandrowitsch Lewada // *Russland-Analysen* Nr. 119, 24.11.2006, S. 15f. *Levinson A.* Das „Phänomen L“. Zum ersten Todestag von Jurij Levada // *Osteuropa* 2007, 57 H. 10, S. 85-94.

² *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993.

о состоянии и перспективах постсоветского общества, с другой – благодаря ей Левада и его соратники вызвали международный интерес в кругах специалистов.

Язык книги был сухим и академичным; в ней широко подхватывались понятия социологических теорий, общепринятых тогда на международном уровне. Авторы сознательно дистанцировались от советского партийного жаргона и социалистической революционной фразеологии, которые использовали Горбачев и его советники, чтобы действенным образом донести политику перестройки до общественности. В социальном портрете «советских людей» едва ли прочитывается какая-то политическая повестка дня или новый общественный проект. Но наблюдения и выводы Левады и его исследовательской команды ясно указывают на то, что они с нетерпением ждут конца унаследованного патерналистского социализма. Открывшиеся возможности участия и улучшение коммуникативных форм должны были, наконец, предоставить советским гражданам шанс стать причастными к политическому изменению. Левада и его соратники многократно выступали и как публицисты. Они профессионально обобщали результаты своих опросов в форме мониторинга, нацеленного на интерпретацию данных. Они без обиняков говорили о фатальных политических упущениях брежневской эпохи, обнажали хаотичность перестроечной политики и ясно давали понять своим читателям, что, невзирая на все актуальные проблемы, альтернативы большей демократии, толерантности и свободе – нет.

Большая аналитическая работа ВЦИОМ, завершенная в 1991 г., рассматривала «советского человека» (в его политической и культурной функции) как социальный миф. Авторский коллектив исходил из предположения, что непрерывная мифологизация нашла свой отпечаток в значимых чертах личности [базового типа], влиявших на способы поведения и мышления значительной части населения. В работе определяются четыре ключевых черты: «принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархичность, имперский синдром» (S. 26). Авторы видели в этих чертах «антиномии», поскольку развитие каждой из этих четырех характерных черт и связанных с ними общественных процессов содержат и их отрицание. Исследовательская группа стремится схватить с помощью объемного философского понятия «антиномия» сложное чередование и взаимодействие стабильности

и ломкости [системы]. Позже, для того же обстоятельства (в контексте ГДР), Детлеф Поллак ввел понятие «конститутивной противоречивости» социалистической системы¹. По Поллаку, изменение в условиях развитого индустриального общества делает все большей проблемой саму прочность системы, долгосрочное планирование ведет к истощению ресурсов. Мнимые системные преимущества оборачиваются слабостями и дефицитами. Советский Союз зашатался не столько из-за внешних обстоятельств и факторов, сколько из-за обнаружившихся опасных разрывов в самом центре его системы².

Первой антиномией, которая долгое время обеспечивала стабильность советской системы, а затем способствовала ее стремительному крушению, была «принудительная самоизоляция» советского общества. Она была тесно связана с внушавшимся пропагандой представлением о превосходстве «советского человека». «Сознание особенности», как и дихотомия превозносившихся «своих» и угрожающих «чужих» предлагали некий универсальный и одновременно простой образец для структурирования сложной действительности (S. 17). Но игра с ясно определенными комплексом превосходства и неполноценности показала себя крайне взрывоопасной, как только политическое руководство было вынуждено признать (многие уже это осознавали), что неустанно пропагандировавшееся превосходство советской системы было химерой, что Запад уже давно по многим параметрам оставил далеко позади себя первое социалистическое государство. Перед притягательностью западной системы, ставшей ориентиром, критерием оценки, могли устоять все меньше и меньше людей в Советском Союзе. Поэтому левадинскую команду не удивляло, что «интеллигенция превратилась из опоры режима в носителя западного образца» (S. 32f.).

Вторую антиномию исследователи усматривали в сильной государственно-патерналистской ориентации «советского человека». Он принимает на веру партию-государство как «своего рода суперинститут», который выступает и как инстанция отеческой заботы, и как гарант социального порядка, и как принцип, задающий единство и организацию общества. «Опека вышестоящих должна была упираться

¹ Pollack D. Die konstitutive Widersprüchlichkeit der DDR. Oder: War die DDR-Gesellschaft homogen? // Geschichte und Gesellschaft 1998, 24, S. 110-131.

² К понятию антиномии ср. также: Dubin, B. Late Soviet Society in the Sociological Writings of Yuri Levada from the 1970s, in: Sociological Research 2012, 51 H. 4, S. 28-43

в благодарность нижестоящих — такова главная формула патерналистского устройства общества и социальной личности» (S. 19). Около 60% опрошенных указали, что большинство советских граждан «не смогут прожить без постоянной заботы и опеки государства» (S. 20). Но когда стало ясно, что советское партия-государство оказалось больше не в состоянии обеспечивать «диктатуру опеки» (Konrad H. Jarausch), в обществе все сильнее стало распространяться чувство «социальной незащитности» (S. 152f.).

Третья антиномия произрастала из покорного принятия иерархических структур, вытекающего из патерналистского понимания государства и возникающей в результате этого социально-моральной системы координат. Советское партийное государство создало «эгалитаристскую иерархию», которая, с одной стороны, выдвигала требование обеспечить равенство всех «советских людей», с другой — предоставляла привилегии тем, кто занимал важные посты и должности. Благодаря такой кадровой политике сложилась номенклатура, чье социальное положение в качестве новой властной элиты не в последнюю очередь было обязано тому, что она получила преимущественный доступ к информации и культурным благам, потребительским товарам и социальным услугам. «Коллектив равных и иерархия руководящих» (S. 71) и в Советском Союзе привели к возникновению стратифицированного, дифференцированного внутри общества. Политико-бюрократическая распределительная система и порождаемые ею в действительности преимущества для высшего и обслуживающего класса реального социализма долгое время принимались как должное и открыто едва ли проблематизировались. Однако заложенное в этой «эгалитаристской иерархии» противоречие оказало разрушительное действие на советскую пирамиду власти, когда традиционные элиты оказались мишенью для критики из-за коллапса прежней системы. Одновременно в распадающемся советском обществе сформировались группы, которым удалось с помощью их связей, новых предпринимательских идей или также насилия достичь значительного богатства, часто — в сфере деятельности, граничащей с криминальной. «Партийные бонзы» обрели исключительно негативный социальный имидж, точно так же, как и легально работающие мелкие предприниматели — торговцы, занятые в теневой экономике. Их упрекали в коррупции, подлости и бессердечии, проявляя по отношению к ним «диффузную агрессию» (см. S. 22f.).

Широко распространено было мнение, что между старой советской номенклатурой и новым криминальным миром существовали связи мафиозного характера, приведшие к тому, что высшая государственная и партийная бюрократия бесцеремонно смогла использовать перестройку экономических отношений и отношений собственности для личного обогащения. Все это сделало еще более явными масштабы давно существовавшего неравенства. Поэтому в восприятии современников существовала однозначная связь между структурами старых привилегий и новыми неравенствами, обусловленными идущими трансформациями. Вместе с тем, опросы команды ВЦИОМа показывали, что хотя в конечной фазе советской истории марксизм-ленинизм едва еще признавался в качестве идеологической надстройки, однако социалистическая программа эгалитарного общества оставалась все еще популярной.

В-четвертых, исследовательская команда видела причину острейших напряжений во всей советской системе в «антиномиях национального и интернационального». Результаты опросов однозначно свидетельствовали об «этническом взрыве»¹, который произошел в Советском Союзе в конце 1980-х гг. Самоопределение многих советских граждан все в большей степени ассоциировалось с их собственным происхождением, официально документированным графой «национальность» в советском паспорте. Огосударствление идентичности в рамках надэтнической принадлежности советской империи входило в противоречие с повсеместно пробуждавшимся национальным сознанием, которое выражалось стремлением к большей независимости от диктата Москвы. В связи с этими центробежными тенденциями лопнуло прекрасное, но оказавшееся лживым представление о «братском единстве советского народа». Лишь примерно у четверти опрошенных в исследовании ВЦИОМа в конце 1989 г. вызывало гордость их самоопределение как «советского человека» (S. 37), а через год 54% опрошенных заявили, что Советский Союз не может никому служить положительным примером (S. 307).

Вот почему исследователи в своей социограмме не давали политике реформ Горбачева положительную оценку. Горбачев был уже не в состоянии «удержать лавинообразно нарастающий обвал социальных институтов и крушение человеческих образцов прошедшей эпохи»

1 Halbach, U. Nationalitätenfrage und Föderation. Die „Explosion des Ethnischen“ in der Sowjetunion // Osteuropa 1990, 40, S. 1011-1024.

(S. 298). Общая утрата доверия и авторитетов особенно прочитывалась в падении популярности Горбачева. Начиная с 1988 г., а еще стремительнее — с 1989 г. он терял общественное одобрение своей политики реформ. Когда в 1990 г. Горбачев получил Нобелевскую премию мира и был за рубежом в зените своей славы, большинство советских граждан выражало доверие уже не ему, а его противнику Борису Ельцину (S. 231f.).

В 1992 г., после распада советской империи, социограмма «советского человека» появилась в книжной форме. Исследовательская команда Левады еще говорила о демократическом развитии, результат которого был тогда не очевиден. Но в их прогнозах скепсис уже перевешивал, поскольку «официальные структуры [...] меняются быстрее, чем их фундамент» (S. 300). Они писали, что тип человека с советским образом жизни и способом мышления, наблюдаемый в массовых опросах, еще долго будет пытаться найти свое место в быстро меняющемся мире, но уже без советских ярлыков. Пока что большинство населения соглашалось с тем, что надо «устранить противостояние собственного и западного мира», одновременно придерживаясь «примитивного ожидания западного чуда» (S. 295). Отсюда, пишут авторы, неизбежно следует радикальная перемена настроений — от великой надежды к глубокому разочарованию. Возникает угроза возврата к агрессивному изоляционизму. «Homo Sovieticus» переломной фазы — это, как утверждают авторы, «глубоко фрустрированное существо», хотя и отбрасывающее «с радостной готовностью социалистическую фразеологию», но, тем не менее, будучи приверженным «патерналистски-тоталитарному порядку», упорно продолжающее верить в возможность «переложить миссию спасения народа на вождей новых политических движений» (S. 300).

После распада советской империи Левада и ВЦИОМ оставались серьезными летописцами событий. Им пришлось убедиться, что немалое число их скептических прогнозов сбылось. В апреле 2004 г. Левада сформулировал это так: «Когда [советского] человека отпустили на волю, он начал двигаться назад — даже не в прошлый, а в позапрошлый день»¹. Критическая рефлексия Левады над общественными процессами распространялась и на тех, кто последовал в Кремле за Горбачевым. Поздним летом 2003 г. Левада в результате политических интриг был вынужден оставить ВЦИОМ. Но его репута-

ция выдающегося российского социолога и его моральный авторитет несколько от этого не пострадали. Левада стал знаменит как представитель российской, критически настроенной против высшего руководства интеллигенции, который не уступил политическому давлению. После его увольнения за ним в полном составе последовал весь исследовательский коллектив, чтобы вместе построить новый центр изучения общественного мнения, названный впоследствии его именем².

После смерти Левады в 2006 г. руководство Центром перенял Лев Гудков. Центр проводил рентабельные опросы общественного мнения по заказам, чтобы на полученные средства иметь возможность продолжать социологическую работу. Издаваемый Левада-Центром журнал «Вестник общественного мнения» является сегодня одним из ведущих социологических журналов России. Весомая репутация Левада-Центра способствует тому, что и зарубежные исследовательские институты предоставляют средства для проведения опросов, чтобы больше узнать об умонастроениях в России. Такой успех в привлечении средств в настоящее время ставит под угрозу существование Центра. В мае 2013 г. московская районная прокуратура обвинила Центр в том, что публикации результатов социологических исследований направлены на то, чтобы оказывать влияние на общественное мнение. Дескать, опросы общественного мнения — не научная работа, а политическая деятельность, которая, кроме того, финансируется на иностранные средства. Тем самым, согласно принятому российскому закону, как говорилось в прокурорском предупреждении, Левада-Центр выполняет функцию «иностранного агента». Все это следует рассматривать как атаку на свободу науки в контексте репрессивной политики администрации Путина. Специализированный журнал «Osteuropa» начал 25 мая 2013 г. международную кампанию солидарности против стигматизации Левада-Центра³.

Несмотря на большую поддержку, приходится констатировать, что исследовательские работы и самого Левады, и его коллег Бориса Дубина, Льва Гудкова, Алексея Левинсона, Бориса Грушина еще слишком редко используются в немецких социальных науках. Манфред

² Там же, *Levinson*, „Phänomen L“ (прим. 6), S. 92ff.

³ Воззвание находится по адресу <<http://www.zeitschrift-osteuropa.de/support-levada/de>>. Там же можно ознакомиться с дальнейшей информацией об актуальной ситуации Левада-Центра. [Собранные почти 15 тысяч подписей были переданы российскому руководству — от редакции].

¹ Цит. по *Mrowczynski*, Zum Tod von Lewada (прим. 6), S. 16.

Заппер писал в 2007 г. с сожалением, что «разрушение в немецких высших учебных заведениях социологического экспертного знания о России фундаментальным образом осложнило научный и культурный диалог с российскими мыслителями»¹. Этот внутридисциплинарный «сбой диалога» открывает для исторической науки (которая в последние годы проявляет усиленный интерес к последней трети советской истории) возможность заново представить немецким исследователям труд Левады и его коллег.

И все же после «Cultural Turn» [культурного поворота] историкам сложно оперировать довольно жестким концептом социогаммы «советского человека». Кроме того, разнообразие мнений и их противоречивость, документированные в исследовании ВЦИОМ, оказываются связанными вместе с самим проектом «Homo Sovieticus» с населенческим опросом. Сегодня историк во многих случаях хотел бы получить от исследовательского окружения Левады более дифференцированный анализ первичных данных [того времени] по регионам, возрасту, профессиональной принадлежности и другим важным параметрам, а не одну только публикацию агрегированных общих результатов исследования.

Задача заключается и в том, чтобы точнее определить значимость исследования ВЦИОМ

с привлечением более широкого корпуса источников. Собранный материал в виде репрезентативных массовых опросов за период с 1989 по 1991 г., определенно является уникальным в своем роде и едва ли сопоставимым с теми опросами общественного мнения, которые Борис Грушин проводил еще во времена правления Хрущева². Но для более общей современной исторической интерпретации было бы интересно представить развитие общественно-го мнения — в его разрывах и непрерывности — за несколько десятилетий. Равным образом не хватает и сравнения результатов исследования ВЦИОМ с другими содержательными источниками эпохи, например, с многочисленными читательскими письмами или множеством обращений в партийные и государственные органы³.

Наконец, чтение книги, написанной добрые 20 лет назад, напоминает нам и о том, что научная история советской социологии пока не написана. Ее достижения позволили бы основательно разобрать и раскрыть изменчивые отношения политической власти и социального и социально-экономического знания, и тем самым дать ответ на вопрос, что властные и специализированные элиты, собственно, знали и думали о развитии советской системы в 1970-е и 1980-е годы.

Перевод Наталии Зоркой

¹ Sapper M. Dialogstörung. Warum Levada & Co. nicht gelesen werden // Osteuropa 2007, 57 H. 10, S. 95-102, hier S. 95

² Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. М. 2001–2006. Ср. Он же, Die freie Zeit als Problem. Soziologische Untersuchungen in Bulgarien, Polen, Ungarn und der Sowjetunion, Berlin (West) 1970; он же, Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования. М., 1980. Кроме того, на сайте московской Высшей школы экономики <<http://sophist.hse.ru/>> в архивной части есть банк данных исследований постсоветского периода, но также и опросов, проведенных в советское время. За эту ссылку я благодарю Коринну Кур-Королев.

³ См. к этому статью в нашем тематическом номере *Corinna Kuhr-Korolev* // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History.